

Е. П. Блаватская

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Извлечение из "Света на Пути".

Правила эти начертаны для всех учеников: *внимай им.*

Прежде чем очи увидят, они должны быть недоступны слезам.

Прежде чем ухо услышит, оно должно утратить свою чувствительность. Прежде чем голос может заговорить в присутствии Учителей, он должен утратить способность наносить боль.

Прежде чем душа может предстать перед Учителем, стопы ее должны быть омыты кровью сердца.

1. Убей в себе честолюбие.

2. Убей желание жить.

3. Убей желание утех.

4. И трудись, как трудятся честолюбцы. Чти жизнь, как чтут и те, которые желают жить. Будь счастлив, как те, которые живут для счастья.

На первый взгляд три первые правила Света на Пути должны показаться несколько различного характера, что трудно уловить их связь. Связь между ними чисто духовная.

Честолюбие есть высшая ступень личной деятельности, достигаемой разумом, и в нем есть нечто благородное даже для оккультиста. Покорив в себе желание стать выше своих товарищей и разбирая свои личные желания, страстный искатель духовного пути находит прежде всего в себе жажду жизни. Ибо все то, что обыкновенно называется желанием, уже давно было покорено, пережито или забыто, прежде чем началась эта неустанная духовная брань. Желание жизни есть всецело духовное желание, а не ментальное; и встречаясь с ним, человек встречается со своей собственной душой. Немногие пытались посмотреть ему в лицо; еще меньше число тех, которые могут угадать его значение.

Такова связь между честолюбием и желанием жизни. Редко бывают честолюбивы те люди, в которых сильны животные страсти. То, что обыкновенно принимается за честолюбие в людях с сильным физическим организмом, есть чаще всего проявление большой энергии для того, чтобы добиться полного удовлетворения физических желаний. Чистое, простое честолюбие есть стремление мысли вверх, проявление врожденной интеллектуальной силы, которая возвышает человека над равными ему.

Подниматься, превосходить других в чем бы то ни было, в каком-нибудь отделе искусства, науки или мысли, есть самое сильное стремление тонко и высоко настроенных душ. Это нечто совсем иное, чем жажда познания, которая всегда делает человека учеником вечно учащимся, какого бы величия он ни достиг. Честолюбие возникает не из

любви к чему-либо, но из чистого себялюбия. Я хочу знать, я хочу подняться, и моей собственной силой.

Кромвель, заклинаю тебя, беги честолюбия;
Через этот грех и ангелы падали.

Завоевание положения, в смысле которого слово честолюбие первоначально употреблялось, отличается по степени, а не по существу от того более отвлеченного значения, которое теперь обыкновенно приписывается ему. Поэта считают честолюбивым, когда он пишет для славы. Это правда; так оно и есть. Он быть может не ищет места при дворе, но он конечно добивается самого высокого положения, которое ему только известно. Мыслимо ли, чтобы какой-нибудь великий писатель был бы действительно анонимным и остался таковым? Человеческий разум возмущается теорией Бэконовского авторства Шекспировских произведений не только потому, что это делает из Бэкона чудовище, непохожее на другие человеческие существа. Для обыкновенного ума непостижимо, чтобы человек мог так бесцельно скрывать свой свет.

Но для оккультиста понятно, что великий поэт может быть вдохновляем другим еще более великим, чем он сам, стоящим вдали от мира и от всякого соприкосновения с ним. Такой вдохновитель должен был бы победить не только честолюбие, но и отвлеченное желание жизни, прежде чем он стал бы способным исполнить такую великую незримую работу. Потому что ему пришлось бы расстаться навеки со своим произведением, как только оно появилось бы в мире; оно никогда не принадлежало бы ему.

Человек, который может представить себе, что он перестал предъявлять какие бы то ни было требования миру и не желает ни брать от него, ни доставлять ему наслаждений, может иметь слабое представление о душевном состоянии, которого достиг оккультист, расставшись с желанием жизни. Не думайте, что это значит, чтобы он никогда не давал и не брал наслаждений; он делает то и другое, поскольку он живет. Великий человек, полный деятельности и мысли, ест с удовольствием свою пищу; он не вкушает ее мысленно и не думает о ней, вкусив ее, подобно жадному ребенку или просто обыкновенному гастроному. Это очень грубый пример, но иногда эти простые иллюстрации помогают уму лучше каких-либо других. По этой аналогии легко видеть, что опытный оккультист, который работает в мире может оставаться совершенно свободным от желаний, и тем не менее принимать и с интересом отдавать его успехи. Он достиг возможности давать более, чем принимать, потому что он не способен ни на страх, ни на разочарование. Он не боится ни смерти, ни того, что называют уничтожением. Он не может чувствовать разочарования, так как, хотя он и испытывает удовольствие необыкновенно сильно и остро, но для него безразлично, наслаждается ли он им сам или кто-либо другой. Это чистое простое наслаждение, не омраченное личным стремлением или желанием. То же самое относится и к тому, что оккультисты называют прогрессом т.е. восхождение со ступени на ступень познания. Во всякой школе внешнего мира соревнование есть главное поощрение к успеху. Оккультист, напротив, не способен сделать ни малейшего шага, пока не приобретет способность относиться к прогрессу, как к отвлеченному действию.

В каждую данную минуту кто-нибудь должен стать ближе к Божеству; прогресс должен быть непрерывен. Но ученик, который желает быть именно этим прогрессирующим впереди всех человеком, может отложить всякую надежду на прогресс. Никогда не должен он также предпочитать прогресс другому своему и оставить всякую мысль о какой-то заместительной жертве.

Такие мысли в некотором смысле бескорыстны, но они существенно характеризуют тот мир, в котором существует разделение, и где на форму смотрят как на нечто, имеющее свою собственную цену. Форму человека можно рассматривать так, как будто ни одна искра Божества не обретала в ней: ибо в любой момент искра эта может покинуть определенную форму и перед нами останется один вещественный признак того человека, которого мы знали.

Напрасно душа после первого шага в оккультизме цепляется за старые мысли и верования. Время и пространство не существуют, они существуют только в практической жизни для удобства. То же самое можно сказать и о дифференциации единого божественно-человеческого духа во множестве людей на земле. Розы имеют свой собственный цвет, а лилии - свой; никто не может объяснить, почему это так, когда то же солнце, тот же свет дает краску каждому. Природа неразделима. Она облачает землю, и когда это покрывало сдернуто, она выдерживает свое время и вновь одевает ее. Окружая землю, подобно атмосфере, она сохраняет ее вечно горячей и молодой, влажной и светлой. Подобно огненному духу, человеческий дух окружает землю, живет над Природой, поглощает ее, иногда бывает поглощен ею, но в общем всегда остается более эфирным и возвышенным, чем она. Как индивидуум, человек сознает огромное превосходство Природы; но когда он доходит до сознания, что он часть неразделимого и неразрушимого Целого, тогда он познает также и то, что это Целое стоит выше природы. Вид звездного неба повергает в ужас человека, достигшего ровно настолько сверхличности, чтобы сознавать свою собственную ничтожность, как индивидуума; оно почти то, что подавляет его. Но дайте ему испытать ту мощь, которая исходит от сознания себя частью богочеловеческого духа, и ничто не будет более способно подавлять его своим величием.

Если бы даже колеса неприятельской колесницы прошли по его телу, то он забыл бы, что это его тело, и вновь встал бы на борьбу вместе со своей собственной армией. Но этого состояния нельзя достигнуть, к нему нельзя даже приблизиться, пока последнее из трех желаний не покорено, также, как и первое. Все три должны быть вместе постигнуты и преодолены.

Удобство на языке оккультистов вполне понятное слово. Для неопита нет никакой надобности искать неудобств или отдаваться аскетизму, подобно религиозным фанатикам. Он может дойти до того, что будет отдавать предпочтение лишениям и тогда они сделаются его комфортом. Бесприютность есть то условие, которому посвящает себя религиозный брамин; и по внешней религии считается, что такой брамин исполняет свой обет, если он покидает жену и ребенка, и делается бесприютным нищим странником. Но все внешние формы религии те же формы комфорта, и люди, дающие обет воздержания, действуют в том же духе, в каком они вступают в какой-нибудь товарищеский союз. Разница между этими двумя сторонами жизни только внешняя. Та бесприютность, которая требуется от неопита, вещь гораздо более жизненная. От него требуется уступка его права выбора или желания. Обитая с женой и ребенком под семейною кровлею и исполняя обязанности гражданина, неопит, в эзотерическом смысле, может быть более бесприютным, чем будучи странником или изгнанником.

Первый урок практического оккультизма, который дается посвященному ученику, состоит в выполнении всех непосредственных ближайших обязанностей с той же утонченной смесью энтузиазма и бесстрастия, с какою ученик чувствовал бы, вообразив себя властелином миров и правителем судеб. Это правило встречается в Евангелии и в Бхагавад-Гите. Непосредственная работа, какова бы она ни была, содержит в себе отвлеченное требование долга и относительная важность или маловажность ее не имеют

никакого значения. Но закона этого нельзя исполнить, пока не будет разрушено навеки всякое стремление к утехам жизни.

Беспрестанные самоутверждения личного я должны быть отброшены навеки. Они столько же обладают данными свойствами, как и желание иметь известный баланс в банке или удержать расположение любимого лица. Они одинаково подвержены земным изменениям; даже более того, потому что неофит, делаясь неофитом, просто входит в теплицу. Перемена, разочарование, отчаяние, безнадежность окружают его по первому зову, потому что он желает быстро выучить свои уроки. И по мере того, как он будет изгонять из себя все это зло, оно будет замещаться другим еще худшим: страстное стремление к обособленной жизни, к ощущениям, к сознанию своего собственного роста налетят на него и опрокинут ту слабую преграду, которую он воздвиг себе. И никакая преграда, будь то аскетизм или отречение, ничто отрицательное не устоит ни на одну минуту против этого могущественного наплыва чувств. Единственная преграда может быть построена из новых желаний. Напрасно стал бы думать неофит, что может уйти за пределы сферы желаний. Это невозможно, пока он еще человек. Природа должна приносить цветы, пока она Природа; человеческий дух сразу утратил бы свое равновесие в этой форме существования, если бы не продолжал желать.

Индивидуальный человек, как существенная часть этой жизни, не может мгновенно выбросить себя из нее. Он может только изменить в ней свое положение. Человек, в котором интеллектуальная жизнь преобладает над животной жизнью, поднялся над обыденностью, но он все же пока останется еще во власти желания. Если ученик рассчитывает одним только усилием сделаться безразличным, то результатом будет его падение в бездонную пропасть. Овладевайте новой цепью желаний, более чистых, широких, благородных, и тогда твердою стопой ступите на лестницу. Только на последней и высочайшей ступени лестницы, у самого входа в Божественную жизнь, возможно удержать то, что не имеет ни материи, ни существования.

Первая часть "Света на Пути" подобна музыкальной струне; ноты должны звучать все вместе, хотя каждая из них должна быть тронута отдельно. Изучайте и приобретайте новые желания, прежде чем выбросите старые, иначе вы погибнете в буре. Человек, пока он человек, имеет в себе материю и нуждается в опоре, в какой-нибудь мысли, которой он мог бы держаться. Но пусть это будет возможно меньшая опора. Учитесь, подобно акробату, медленно и осторожно, чтобы сделаться более независимым. Прежде чем расстаться с демоном честолюбия, с желанием чего-нибудь, хотя и утонченного и возвышенного вне вашего я, овладейте желанием найти свет мира внутри себя самих. Прежде чем отбросить желание сознательной жизни, научитесь желать недостижимого или, говоря иначе, того, что можете достигнуть лишь теряя личное сознание. Зная, что цель ваша такого высокого характера, что она не даст вам ни сознательного успеха, ни утех, что никогда не достигнете вы через нее в вашем временном личном Я какого-либо места отдохновения или приятной деятельности, вы урезаете всю силу и могущество желаний низшей астральной природы. Ибо, поняв эти факты, какое может быть еще желание обособленных ощущений или роста?

Оружие воина, который встает сражаться за вас в битве, описанное во второй части "Света на Пути", подобно рубашке счастливого человека в старинном рассказе. Король мог быть вылечен от всех своих недугов, проспав в такой рубашке; но, когда нашли счастливого человека в его королевстве, то он оказался нищим, беззаботным, бесстрашным и без рубашки. Таков и божественный воин. Никто не может пользоваться его оружием, потому что его у него нет. Король не мог найти счастья, подобного счастью безработного нищего. Мирянин, как бы утонченно ни было его воспитание, скован тысячей мыслей и чувств,

которые должны быть отброшены прежде, чем он может стать на пороге оккультизма. И заметьте это, он скован, главным образом, тем оружием, которое он носит и которое обособило его. Он обладает еще личной гордостью, самопочитанием. Все это должно умереть вместе со смертью личности. Процесс, описанный в первой части "Света на Пути", состоит в сбрасывании навеки этой скорлупы или вооружения. Тогда восстает воин безоружный, беззащитный, безобидный, отождествляющий себя с обидчиками и обиженными, гневающимися и прогневающимися, сражающийся не за одну из враждующих сторон, но за Божественное, которое стоит выше всего.

Перевод с английского М. Жук